

Въ дружескомъ кругу.

(Изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ).

познакомилась съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ и его семьей въ Крыму, въ началѣ 80-хъ годовъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, въ 1881 году, удалился отъ дѣлъ и поселился съ семьей въ своемъ имѣніи, Симеизъ. При родителяхъ жили тогда три незамужнія дочери: Ольга Дмитріевна, Надежда Дмитріевна и Марія Дмитріевна. Старшая, Елизавета Дмитріевна была замужемъ за княземъ Шаховскимъ, эстляндскимъ губернаторомъ; меньшая—Елена Дмитріевна за офицеромъ генеральнаго штаба,—Гершельманъ.

Мой братъ, главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“, въ бытность Дмитрія Алексѣвича военнымъ министромъ, имѣя непосредственное съ нимъ сношеніе по службѣ, посѣщаль ихъ домъ и какъ близкій, радушно принимаемый знакомый; а такъ же и мы, его жена и я, — начавъ наше съ ними знакомство въ Крыму, гдѣ часто проводили лѣто въ имѣніи моей невѣстки,—какъ-то сразу сблизились съ семьей и съ удовольствіемъ посѣщали другъ друга. Конечно, посѣщенія эти не могли быть частыми, такъ какъ имѣнія лежали на противоположныхъ одно отъ другого сторонахъ: Симеизъ, по ту сторону Ялты, за Алушкой, а наше, Наташино,—по эту, между Ялтой и Гурзуфомъ, такъ что разстояніе простиралось до 27-ми верстъ и продѣлывалось, конечно, въ экипажѣ; почему, какъ они къ намъ, такъ и мы къ нимъ, пріѣзжали съ утра, на цѣлый день.

Путь былъ длинный, но очень живописный, начиная съ тѣнистаго парка нижней Массандры, доходившаго почти до самой Ялты.

Имѣя разрѣшеніе, мы проѣзжали затѣмъ, черезъ Ливадію и Оріанду, съ изумрудными газонами и цвѣтниками, первой и таинственной сѣнью чудеснаго парка второй. Мчались, на лихой тройкѣ, по гладкому шоссе, мимо суровыхъ скалъ мыса Ай-Тодоръ, съ его маякомъ: мимо татарскихъ саклей, лѣпившихся, какъ гнѣзда, среди вѣковой грязи и застывшей дикости. Мимо, лежавшихъ ниже, ближе къ морю, блиставшему сверкающей лазурью, велико-княжескихъ и частныхъ имѣній, тонувшихъ, — какъ и проѣзжаемый, дальше нами, — Мисхоръ, въ чащѣ садовъ; пролетами черезъ оплетенные густой зеленью, поэтичные двory сказочной Алупки и, миновавъ первый, — Мальцовскій Симеизъ, съ его стекляннымъ дворцомъ, — позже превращеннымъ въ прозаическій пансіонъ, — подъѣзжали къ Симеизу Милютинскому, съ его обширными виноградниками и, пролетѣвъ ворота, останавливались передъ гостепріимнымъ домомъ, осѣненнымъ зеленью сада.

Какъ хорошо чувствовалось всегда среди этой милой, радушной семьи, съ ея простотой истинно-культурныхъ людей; съ ихъ многосторонними интересами, отвѣчавшими на всѣ ваши запросы; съ тѣмъ миромъ, что царилъ, какъ-то, во всемъ, ихъ окружавшемъ, начиная съ ихъ прекраснаго, вполне, по всѣмъ отраслямъ, культивированнаго имѣнія, съ выхоленными цвѣтниками сада, съ обширными виноградниками и зелеными чабрами, съ повсюду журчавшими источниками, — этой драгоценностью знойнаго юга, — и кончая видимымъ благоденствіемъ, какъ живущихъ въ имѣніи, такъ и странно-пріимныхъ собакъ, пользующихся расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, такъ и разнородныхъ, вольныхъ пернатыхъ, для которыхъ, на всѣхъ балконахъ гостепріимнаго дома, находились подвѣшанныя на веревкахъ доски, обильно уснащенные, подлежащимъ разнымъ породамъ, — кормомъ.

Двухъ-этажный, съ небольшой вышкой, — домъ представлялъ полный комфортъ въ комнатахъ, какъ самихъ хозяевъ, такъ и безпрестанно гостящихъ родныхъ, а иногда и друзей, — съ балконами, въ чашу зелени или на море, въ которое справа, далеко выдвигались, причудливой формы, голая скалы, съ оригинальной скалой посрединѣ, носящей названіе „Диво-камень“ или „Монахъ“. А надъ имѣніемъ царилъ гигантъ Ай-Петри, съ его острыми зубцами.

Среди комнатъ, особенный интересъ представлялъ кабинетъ Дмитрія Алексѣевича, съ его громадной бібліотекой, со всевозможными книгами, расположенными въ нѣсколько ярусовъ, размѣщенными въ строгомъ порядкѣ, по каталогамъ, составленнымъ самимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, съ помощью его дочери, Ольги Дмитріевны. Чего-чего не было тутъ, начиная съ дорогихъ фоліантовъ,

подносимыхъ ему издателями! Эта библіотека была дорогимъ дѣтищемъ Дмитрія Алексѣевича, и онъ съ удовольствіемъ показывалъ ее тѣмъ, въ комъ видѣлъ особенный интересъ. Мнѣ приходилось, каждый разъ моего пребыванія въ Симеизѣ, съ удовольствіемъ побывать въ заповѣдномъ кабинетѣ и, при указаніи самого хозяина, полюбоваться не одной рѣдкостью! Библіотека еще увеличилась, послѣ завѣщанія Дмитрію Алексѣевичу его умершимъ родственникомъ рѣдкаго собранія книгъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были уже сильно попорчены безпощаднымъ временемъ, и Дмитрій Алексѣевичъ собственноручно принялся тщательно за исправленіе и подклеиванье, на что тоже любилъ обращать мое вниманіе. Въ этомъ же кабинетѣ, хранились, какъ реликвіи, дорогія ему воспоминанія, касавшіяся Императора Александра II, какъ-то: его портреты, въ интимной обстановкѣ; его мундиръ, въ ящикѣ, подъ стекломъ и другія.

Какъ онъ беззавѣтно любилъ этого,—дорогого, всѣмъ истиннымъ русскимъ, — Царя Освободителя, которому былъ вѣрнымъ другомъ и мудрымъ сподвижникомъ! Нужно было видѣть, какой нѣжностью озарялось его, всегда немного меланхолическое, лицо при разговорѣ о Государѣ съ людьми, чутко его понимавшими. Какимъ прелестнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ мнѣ, на мое ему поздравленіе— въ августѣ 1898 г. — съ высокимъ званіемъ, примѣненнымъ къ чествованію незабвеннаго Царя-Мученика! Я тогда чутко поняла, что это-то соединеніе и должно было быть дороже высокаго титула ему, чуждому честолюбію; и эта чуткость нашла отзвукъ въ его сердцѣ и вызвала въ него, длинномъ ко мнѣ письмѣ, такую фразу „Вы придали ей (т. е. наградѣ) то именно значеніе, которое я самъ въ ней вижу, и которое поняли немногіе“.

Не касаясь государственныхъ и вообще общественныхъ дѣяній Дмитрія Алексѣевича, — скажу, что для меня это была одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей, встрѣченныхъ на моемъ длинномъ, жизненномъ пути! Васъ сразу озарялъ этотъ ясный, тихій свѣтъ его ума, не бившій на эффектъ, не старавшійся ослѣпить фейерверочными вспышками; лившійся ровно, мягко; озаряя, а не ослѣпляя; согрѣвая и подбодряя; эта мягкость въ сужденіяхъ и снисхожденіе къ людямъ. При всей серьезности его ума, вы никогда не чувствовали себя стѣсненнымъ. Вамъ не приходило на умъ: „Вдругъ я не такъ умно скажу? Не сказала ли я какой глупости?“ Онъ не только не подавлялъ васъ своимъ умомъ, не возвышался имъ надъ вами, но всегда готовъ былъ спуститься до самыхъ вашихъ маленькихъ интересовъ, даже до вашихъ шуточекъ и пустячковъ; и не съ видомъ, принимающаго васъ, снисхожденія, а съ видомъ добродушнаго

человѣка, заинтересованнаго этими пустячками! Помню, какъ,—по просьбѣ Ольги Дмитриевны, съ которой мы сразу дружески сошлись,—пріѣхавъ изъ нашего Наташина, погостить къ нимъ въ Симеизъ,—я нашла Ольгу Дмитриевну за окраской различными эмалевыми красками металлическихъ столиковъ для разныхъ балконовъ. Я тоже принялась за эту работу; но, въ качествѣ художницы, начала въ ней изощряться и, на одинъ изъ круглыхъ столиковъ, по черному фону, стала набрасывать пышный вѣнокъ цвѣтовъ. Нужно было видѣть, какъ это заинтересовало Дмитрія Алексѣевича, приходившаго изъ своего строгаго кабинета, слѣдить за нашими работами, на большой балконъ, съ чуднымъ видомъ на море; слѣдить особенно за расцвѣтомъ моего вѣнка и одобрительно похваливать! Выразивъ еще большія похвалы по окончаніи его, онъ скромно замѣтилъ:

— А знаете, Софья Ивановна,—хорошо бы наверху, надъ цвѣтами, помѣстить бабочку!

Конечно, не прошло и десяти минутъ, какъ бабочка уже порхала надъ цвѣтами, встрѣченная Дмитріемъ Алексѣевичемъ съ полнымъ удовольствіемъ и умильно-привѣтливой улыбкой!

Пріѣхавъ къ намъ въ Наташино, на празднованіе, въ іюнѣ 1892 г. серебряной свадьбы моего брата, когда къ намъ съѣхалось много и совсѣмъ юной, родственной молодежи,—онъ самъ сталъ юно-молодымъ; лазилъ съ ними по разнымъ трущобнымъ высотамъ; становился въ полной группѣ подъ фотографическимъ аппаратомъ одного родственника, терпѣливо ставившаго насъ и долго державшаго,—подъ солнцемъ; шутилъ съ дѣтьми, смѣяся вмѣстѣ съ ними ихъ дѣтскимъ смѣхомъ; и смотря въ ихъ глаза такимъ же дѣтски-правдивымъ взглядомъ человѣка, которому чужда была ложь; такимъ правдивымъ взглядомъ, какимъ онъ смотрѣлъ и въ глаза „великимъ міра сего“ и рабочимъ на своихъ виноградникахъ, среди которыхъ онъ жилъ теперь, какъ истинный Цинциннатъ. И при томъ, это былъ вполне „джентльменъ“—тонко-любезный и до крайности корректный.

— Я не знаю человѣка болѣе его корректнаго!—говорилъ одинъ генераль, товарищъ брата, глубоко-уважавшій Дмитрія Алексѣевича и самъ превосходный человѣкъ, теперь уже тоже умершій.

Эта корректность даже заставила меня, иногда писавшую Дмитрію Алексѣевичу, раза два-три въ годъ къ особымъ праздникамъ,—прекратить это, чтобы не заставлятъ его, и безъ того имѣвшаго большую переписку,—собственноручно отвѣчать мнѣ, не удовлетворяясь передачей привѣта и благодарности въ письмахъ

Ольги Дмитриевны, съ которой мы постоянно переписывались, когда я была въ Петербургѣ или за границей.

Корректность эта проявлялась у него во всемъ. По вечерамъ, въ Симензѣ, послѣ ужина, который подавался въ 7 часовъ (обѣдали въ часъ; въ четыре пили чай), мы собирались въ салонѣ, около круглаго стола; дамы съ работой, при чемъ Дмитрій Алексѣевичъ читалъ намъ вслухъ. Къ этому чтенію онъ приготовлялся заранѣе, отмѣчая карандашемъ, что можетъ заинтересовать насъ въ нѣсколькихъ, въ тотъ день полученныхъ газетахъ, и выбравъ статью въ какомъ-нибудь изъ толстыхъ журналовъ, преимущественно „Вѣстника Европы“. Но, усѣвшись, съ газетами и книгой за круглымъ столомъ, по своей обычной во всемъ корректности, онъ до тѣхъ поръ не приступалъ къ чтенію, пока Наталья Михайловна не произносила, немного властнымъ, присущимъ ей, тономъ:

— Ну, что же, Дмитрій (сильно картавя на буквѣ р), — ты прочтешь намъ что-нибудь?

Вѣрная неизмѣнная подруга 70-ти лѣтней совмѣстной брачной жизни, Наталья Михайловна, какъ истая француженка ¹⁾, живая, съ свѣжимъ румянцемъ, бойкой рѣчью и интересомъ ко всему, несмотря на свою многолѣтнюю слѣпоту, вела весь строй обширнаго хозяйства по имѣнію, главное, увлекаясь проведеніемъ повсюду воды, что ей какъ-то особенно удавалось.

Въ началѣ нашего знакомства, эта слѣпота не была еще абсолютной; кое-что она еще смутно различала, особенно свѣтло-голубые тона, почему въ домѣ практиковали повсюду вещи этого цвѣта. Подлѣ ея постояннаго кресла въ салонѣ ставили ширму свѣтло-голубого цвѣта. За столомъ того же цвѣта была ея салфетка, чайная и столовая посуда. Она еще могла тогда полу-ощупью водить грифелемъ по доскѣ, записывая свои воспоминанія и вязать на рогулькѣ, безпрестанно спуская петли. Ходила она со своей палочкой совершенно бодро и даже бойко; конечно, по извѣстнымъ уже ей, еще въ зрячемъ состояніи, мѣстамъ, какъ въ домѣ, такъ и въ саду, который любила показывать гостямъ, не позволяя себѣ помогать или указывать. Поднималась даже одна по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Понемногу слѣпота усилилась и вполнѣ ею завладѣла; но и тогда она отвергала всякую помощь, прохаживаясь по знакомымъ мѣстамъ въ саду, прося только предупредить ее, если случалась новая, недавно проложенная дорожка, а въ домѣ ловко лавируя между знакомой, уже не передвигаемой съ мѣста, мебелью.

Пріѣзжая къ намъ, въ Наташино, Наталья Михайловна, какъ

¹⁾ Понсетъ, дочь обрусѣлаго генерала русской службы.

истая хозяйка, очень интересовалась хозяйствомъ моей невѣстки и бойко слѣдовала за ней по виноградникамъ, хотя и не видя, но слыша ея рассказы, повѣряя ихъ своими знаніями и охотно давая совѣты, особенно касательно изысканія воды. Не ходила она только въ общей компаніи съ нами на прогулки. Зато Дмитрій Алексѣевичъ, при его неутомимости, превосходилъ всѣхъ насъ въ этихъ прогулкахъ! Идутъ они впереди, съ моимъ братомъ (на 15 лѣтъ его моложе), поднимаясь въ горы. Мы идемъ тише, да еще иногда остановимся, чтобы и видомъ какимъ полюбоваться, да и передохнуть немного; приостановятся и наши вожаки; братъ тоже запыхался. Вдругъ оглянемся: „А Дмитрій Алексѣевичъ гдѣ?“

— Я здѣсь!—откликнется онъ съ верху. Взглянемъ, а онъ ужъ на вершинѣ; стоитъ молодцомъ, въ бѣломъ кителѣ, и хоть бы что! Даже не дышитъ такъ тяжело, какъ мы всѣ.

Во время моего гощенія въ Симензѣ, сидимъ мы, дамы, утромъ въ 8 часовъ за кофе, Дмитрій Алексѣевичъ возвращается съ прогулки.

— Что,—спросишь—Дмитрій Алексѣевичъ, далеко ходили?

— Нѣтъ,—просто отвѣтитъ: Сегодня я маленькую прогулку сдѣлалъ. Дошелъ до Алупки (отъ нихъ 4 версты), обошелъ верхній паркъ („дистанція огромнаго размѣра!“) и домой.

Потомъ, среди дня еще пройдетъ по хозяйству; да съ нами по имѣнію, въ чайры; къ морю. Еще иногда привяжется съ нами какая-нибудь изъ любимыхъ комнатныхъ собачекъ,—ихъ у каждой барышни было, и всѣ были любимицами и Дмитрія Алексѣевича; устанетъ какая изъ баловницъ, и онъ еще ее на рукахъ домой тащить! Эта любовь и снисхожденіе къ собакамъ простиралась до того, что разъ, во время пребыванія Дмитрія Алексѣевича, по какому-то торжественному случаю въ Петербургѣ,—посѣтивъ насъ, онъ, среди дружеской бесѣды, видимъ, самымъ неудобнымъ образомъ лѣпится на кончикъ кресла, не желая,—какъ оказалось,—обезпокоить растянувшагося сзади него, нашего толстаго мопса, Боби (чуткимъ сердцемъ угадавшаго покровителя своихъ собратій), увѣряя, что онъ ему нисколько не мѣшаетъ!

Я сказала въ началѣ, что когда мы познакомились, то въ семьѣ было три незамужнихъ дочери. Третья изъ нихъ, Марія Дмитриевна, вскорѣ умерла и при очень грустныхъ обстоятельствахъ. Наталья Михайловна поѣхала съ ней въ Сибирь, гдѣ въ то время служилъ Гершельманъ мужъ Елены Дмитриевны, — чтобы присутствовать при ея родахъ. Эти,—вторые уже роды,—прошли благополучно, но, уже больная сердцемъ,—молодая женщина, вскорѣ послѣ родовъ, внезапно умерла.

Въ то же время Марія Дмитриевна заболѣла, свирѣпствовавшей

тогда, въ Сибирѣ, черной оспой и умерла, заразивъ и ухаживавшую за ней мать, по счастью, очень легкой и не оставившей слѣдовъ, болѣзнию. Елену Дмитриевну я не знала совсѣмъ.

Позднѣе, Надежда Дмитриевна вышла замужъ за князя Долгорукова и, проживъ съ нимъ всего четыре года, овдовѣла почти въ одно время съ Елизаветой Дмитриевной и затѣмъ,—лишь кратковременно отлучаясь въ имѣніе, оставленное мужемъ,—по-прежнему жила съ родителями въ Симензѣ. Единственный сынъ ихъ, Алексѣй Дмитриевичъ,—курскій губернаторъ,—рѣдко бывалъ въ Симензѣ, хотя и построилъ тамъ себѣ, при самомъ въѣздѣ въ имѣніе, красивый домикъ, почти и не поживъ въ немъ, какъ-то рано свернувшись. Смерть его совпала съ началомъ нашей Японской войны, неудачи которой такъ больно отзывались въ сердцѣ такого истиннаго патріота, какимъ былъ Дмитрій Алексѣевичъ, что даже парализовали горе кончины сына!

Въ этомъ сказался истинный сынъ своего отечества, скорбѣвшій за то униженіе, что оно переносило, благодаря слишкомъ долгому „терпѣнію“ главарей арміи!..

Пріятной неожиданностью была наша встрѣча съ Дмитриемъ Алексѣевичемъ, въ одну изъ нашихъ заграничныхъ поѣздокъ, чередовавшихся съ поѣздками въ Крымъ, именно, въ сентябрѣ 1889 г. во Флоренціи. Въ одно утро, когда я одна отправилась въ какой-то музей, а братъ съ женой—въ садъ Boboli,—возвращаются они оттуда и, сначала, желая меня заинтриговать, начинаютъ рассказывать, какъ, отдыхая на одной изъ таинственныхъ аллей чудеснаго сада, видятъ: идетъ, приближаясь къ нимъ, пожилой статскій, по осанкѣ такой джентльменъ, что они рѣшили, что это непременно какой-нибудь итальянскій „Conte“ или „Principe“... И вдругъ, не кончивъ фразы, братъ радостно срывается со скамейки, навстрѣчу этому „истинному Conte“, тоже порывисто направлявшемуся къ нему, съ распостертыми объятіями! Вслѣдъ затѣмъ, милый „Conte“ пришелъ къ намъ въ отель, и мы, всѣ вмѣстѣ, отправились въ знакомый уже намъ ресторанъ, обѣдать въ саду, закончивъ вечеръ снова у насъ, за русскимъ чаемъ, всегда имѣвшимся у моей невѣстки, такъ какъ въ тѣ годы было еще трудно найти гдѣ-либо, а тѣмъ болѣе въ Италіи, порядочнаго чаю.

Не забуду того соленнаго чаю, можетъ быть завареннаго на морской водѣ, которымъ разъ угостили насъ въ Венеціи!

Слѣдующіе дни были расположены такъ, что Дмитрій Алексѣевичъ приходилъ къ намъ утромъ, пить съ нами чай, послѣ котораго мы отправлялись кто куда; иногда и встрѣчаясь позднѣе, въ какомъ-нибудь музеѣ, но всегда порознь; потому что мы туда ѣхали,

а Дмитрій Алексѣевичъ, по своей привычкѣ къ большой ходьбѣ, отъ нашего экипажа отказывался, предпочитая идти пѣшкомъ.

— Нѣтъ, ужъ я вамъ не товарищъ,—говорилъ онъ; я лучше пѣшкомъ!

Обѣдали всегда вмѣстѣ, въ саду нашего „Cornelio“, гдѣ потомъ долго сидѣли, въ дружеской бесѣдѣ; а затѣмъ, всѣ, уже пѣшкомъ, тихонько направлялись домой въ свой отель, на вечерній чай. Дорога наша всегда лежала черезъ piazza Duomo; и каждый разъ мы останавливались передъ нимъ и, прислонясь къ зданію „Бабтистеріи“, долго любовались чуднымъ фасадомъ собора, который, въ первый нашъ прїездъ во Флоренцію, видѣли еще снаружи незаконченнымъ, а теперь облицованнымъ сверкающимъ мраморомъ и блестящими фресками, съ рисовавшейся подлѣ него, какъ свѣтлая мечта, на ясной лазури неба,—дивной колокольной Джіотто.

Какъ онъ радъ былъ, дорогой Дмитрій Алексѣевичъ, нашей встрѣчѣ, такъ оживившей его одиночество; и въ то же время, какъ онъ наслаждался своимъ первымъ, самостоятельнымъ путешествіемъ, до того постоянно совершавшимся имъ только оффиціальнымъ образомъ, сопровождая Государя и безпрестанно парадирюя. Грустно провожалъ онъ насъ, уѣхавшихъ изъ Флоренціи раньше него. Онъ же, затѣмъ, направлялся въ Испанію; и какіе интересные рассказы о ней передавалъ онъ намъ позднѣе, при нашемъ новомъ свиданіи въ Крыму. Помню его рассказъ о Кордовѣ и ея удивительномъ соборѣ,—дышавшемъ такой восторженной поэзіей, какую трудно было ожидать отъ серьезнаго государственнаго дѣятеля!

Чередую наше лѣтнее пребываніе то поѣздками за границу, то въ Крымъ, гдѣ иногда бывали и по два года подъ рядъ, зиму 1893—94 года мы даже провели не въ имѣніи, а въ Ялтѣ, по причинѣ серьезной болѣзни брата, гдѣ онъ въ мартѣ 1894 г. и скончался. Нечего и говорить о томъ, какъ трогательно-сочувственно отнеслась семья Милютиныхъ къ нашему горю.

Проводивъ тѣло брата въ Симферополь, для погребенія въ фамильномъ склепѣ моей невѣстки, и проведя нѣкоторое время въ имѣніи ея родныхъ, подъ Симферополемъ, мы снова вернулись на южный берегъ, но, раньше чѣмъ поселиться въ своемъ Наташинѣ, погостили въ Симеизѣ; и милые хозяева окружали насъ самымъ нѣжнымъ, дружескимъ вниманіемъ, въ которомъ, теплымъ огонькомъ, свѣтилось ихъ расположеніе къ намъ и ихъ дружеская память къ нашему дорогому усопшему.

Съ 1896 года, я начала чаще, уже одна ѣздить за границу, всего долѣе пребывая во Флоренціи, и потому рѣже бывала въ Крыму. Затѣмъ, начавшіеся безпорядки, вызванные волненіями „освободи-

тельнаго движенія“ и въ Крыму, соединенные съ грустными воспоминаніями утраченнаго, и въ самомъ Наташинѣ,—побудили мою невѣстку продать имѣніе, что и было совершено въ 1905 году, когда я вернулась туда изъ моей поѣздки въ Баварію, именно изъ Байрейта, подъ впечатлѣніемъ только что прослушаннаго „Парсифаля“, и эта осень была моимъ послѣднимъ пребываніемъ въ Крыму и послѣднимъ посѣщеніемъ Сименза.

Не теряя надежды встрѣтиться еще съ болѣе молодыми членами милой семьи, особенно съ Ольгой Дмитриевной, часто пребывавшей въ Москвѣ и иногда заглядывавшей и въ Петербургъ, мнѣ было грустно разставаться со стариками, особенно съ дорогимъ Дмитриемъ Алексѣвичемъ, прощаясь съ ними навсегда, не имѣя намѣренія когда-либо посѣтить Крымъ. Грустно было это прощаніе.

Димитрій Алексѣвичъ, по обыкновенію вышелъ проводить насъ на крыльцо. Послѣднее прощальное рукопожатіе, садясь въ экипажъ. Онъ взялъ мою руку въ обѣ свои руки и взволнованнымъ, дружескимъ голосомъ проговорилъ:

— Софья Ивановна, не говорите прощайте! Скажите до свиданья!

Но свиданья больше не было. Я не была послѣ того въ Крыму, хотя постоянно имѣла свѣдѣнія о милыхъ жильцахъ Сименза и изъ писемъ Ольги Дмитриевны, и отъ, навѣщавшей Симензъ, племянницы ихъ, Прасковьи Николаевны Милютиной, съ которой видалась зимою въ Римѣ.

Этой зимой, которую я проводила въ Петербургѣ, мнѣ пришлось увидѣться и съ Ольгой Дмитриевной. Только что вернувшись изъ Сименза въ Москву, она приѣхала въ Петербургъ на похороны своего двоюроднаго брата, Юрія Николаевича Милютина, и навѣстила насъ. Это было ровно за двѣ недѣли до кончины Дмитрія Алексѣвича, котораго она оставила совсѣмъ молодцомъ, поражающимъ всѣхъ, его навѣщавшихъ, бодростью и неослабѣвавшимъ ко всему интересомъ; только жаловавшимся на то, что слабѣетъ зрѣніе и измѣняетъ слухъ; отказываясь завести очки, но читавшимъ и писавшимъ съ увеличительнымъ стекломъ. Про мать же она говорила, что та значительно ослабѣла. И вслѣдъ затѣмъ эта трогательная кончина обоихъ, не разлученныхъ и смертью!..

Такой мирной кончиной завершилась свѣтлая жизнь этого „рыцаря, безъ страха и упрека“, не измѣнявшаго себѣ ни въ чемъ до конца своей долголѣтней жизни, лучшей эпитафіей которому служатъ слова: „Человѣкъ онъ былъ!“

С. Лаврентьева.

